
Determining Factors of Linguo-cultural Properties of Polysemantic Humor

Kendjaeva Zemfira Alimjanovna

zemfira.kendjaeva@gmail.com

Senior teacher, The department of Foreign languages,
Tashkent International University

Annotation *This article is devoted to the analysis of national and cultural factors as systemic determinants that define the specifics of the formation and interpretation of polysemantic humor. It explores the idea that polysemantic linguistic units in a comic context become carriers of unique cultural codes, reflecting historical experience, value orientations, and the collective worldview of a specific community. English humor is based on lexical redundancy dating back to the Norman Conquest and the values of capitalism, utilizing the analytical structure of the language to create syntactic ambiguity. In turn, Russian humor is determined by the concept of fate, the tradition of "Aesopian language," and the experience of economic shortages, relying on rich morphology to express existential and reflexive meanings.*

Keywords *Existentiality, concept of fate, reflexivity, language play, pun, cultural code, national and cultural determinants*

Polisemantik yumorning lingvokulturologik xususiyatlarini belgilovchi omillar

Kendjajeva Zemfira Alimjanovna

zemfira.kendjaeva@gmail.com

Katta o'qituvchi, Xorijiy tillar kafedrasini,
Toshkent xalqaro universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola ko'p ma'noli (polisemantik) yumorning shakllanishi va talqin qilinish xususiyatlarini belgilovchi tizimlashtiruvchi determinantlar sifatida milliy-madaniy omillarni tahlil qilishga bag'ishlangan. Komik kontekstdagi ko'p ma'noli til birliklari muayyan jamiyatning tarixiy tajribasi, qadriyatlarini va jamoaviy dunyoqarashini aks ettiruvchi o'ziga xos madaniy kodlar tashuvchisiga aylanishi haqidagi g'oya ilgari suriladi. Ingliz yumori Normand istilosi davridan qolgan leksik ortiqchalik va kapitalizm qadriyatlariga asoslanib, sintaktik noaniqlikni (dvuplanovosti) yaratishda tilning analitik tuzilishidan faol foydalanadi. O'z navbatida, Rossiya yumori taqdir konsepsiyasi, «Ezop tili» an'anasi va tanqislik (defitsit) tajribasi bilan belgilanadi hamda ekzistensial va refleksiv ma'nolarni ifodalashda tilning boy morfologik imkoniyatlariga tayanadi.*

Kalit so'zlar *Ekzistensiallik, taqdir konsepsiyasi, refleksivlik, til o'yini, kalambur, madaniy kod, milliy-madaniy determinantlar*

Детерминирующие факторы лингвокультурологических свойств полисемантического юмора

Кенджаева Земфира Алимжановна

zemfira.kendjaeva@gmail.com

Старший преподаватель, Кафедры
Иностранных языков
Ташкентский международный университет

- Аннотация** *Данная статья посвящена анализу национально-культурных факторов как системообразующих детерминант, определяющих специфику формирования и интерпретации полисемантического юмора, идеи о том, что многозначные языковые единицы в комическом контексте становятся носителями уникальных культурных кодов, отражающих исторический опыт, ценностные ориентиры и коллективное мировидение конкретного сообщества. Английский юмор базируется на лексической избыточности со времен нормандского завоевания и ценностях капитализма, используя аналитический строй языка для создания синтаксической двусмысленности. В свою очередь Российский юмор детерминирован концептами судьбы, традицией «эзопова языка» и опытом дефицита, опираясь на богатую морфологию для выражения экзистенциальных и рефлексивных смыслов.*
- Ключевые слова** *Экзистенциальность, концепт судьбы, рефлексивность, языковая игра, каламбур, культурный код, национально-культурные детерминанты*

Национально-культурные факторы являются системообразующими детерминантами, которые в решающей мере определяют специфику формирования, функционирования и интерпретации метафорической полисемии в юморе. Как отмечает В.И. Карасик, национальная специфика юмора проявляется в системе ценностей, отраженных в культуре смеха, в тематике комического, в особенностях его языкового воплощения. Если универсальные когнитивные механизмы обеспечивают общую возможность комического переосмысления многозначности, то культурные особенности придают этим механизмам уникальную форму и интонацию, превращая их в отражение исторического опыта, ценностных ориентиров и коллективного мировидения конкретного сообщества.

По мнению А. Вежбицкой, каждый язык воплощает в себе особый способ концептуализации мира, и значения, закрепленные в языке, образуют связную сеть интерпретаций, которая определяет ментальную вселенную носителей данного языка. Важно подчеркнуть, что

лингвокультурологические свойства метафорической полисемии представляют собой не только продукт взаимодействия языковых структур и когнитивных процессов, но и результат глубокой интеграции культурных кодов в систему языковой игры. Иными словами, многозначные единицы, становясь носителями комического, обретают культурно маркированное звучание, которое невозможно понять без учета национальных традиций и символических рамок.

Для объяснения того, почему одни типы метафорической полисемии становятся продуктивными источниками комического в конкретной культуре, а в другой остаются нейтральными, необходимо обратиться к генезису главных культурных концептов, генерирующих полисемантический юмор.

Концепт классовой принадлежности в английской лингвокультуре восходит к норманнскому завоеванию 1066 года, закрепившему двуязычную социальную стратификацию: франкоязычная аристократия и англосаксоноязычное крестьянство породили лексические

дублиеты разных регистров (beef/cow, pork/pig). Как пишет Д. Кристал, именно эта историческая ситуация создала лексическую избыточность, ставшую ресурсом для каламбуров и полисемантической игры. Данный генезис объясняет, почему полисемия социально-маркированной лексики продуктивно функционирует в британском юморе. Полисемия выражения *off the menu* (не из меню, эксклюзивное / буквально: снятое с меню) обыгрывает разрыв между аристократическими претензиями и буквальной логикой обслуживания.

В русской лингвокультуре концепт судьбы, продуцирующий фаталистический юмор, формировался на пересечении языческих представлений о доле, православной идеи промысла Божия и секулярного фатализма XIX–XX веков, что отразилось и в анекдотах, комизм которых создается с помощью переактуализацией формулы *не судьба*, которая одновременно считывается и как фаталистическое суждение, и как постфактумное объяснение неудачи.

Таким образом, генезис культурных концептов представляет собой процесс, в ходе которого исторические события, религиозные доктрины и социальные структуры формируют семантические матрицы, определяющие продуктивность метафорической полисемии в юмористическом дискурсе.

Подобные формы полисемии легитимируют критику, превращая политическую риторику в пространство интеллектуальной игры. В Америке же, где демократические институты строились на идеях свободы и социальной мобильности, юмор формируется в иной традиции.

Показательным является также американский юмор времен Великой депрессии: *We're still waiting for prosperity to trickle down, but all we're getting is dripped on* (Will Rogers Show, 1932). Полисемия глагола *trickle down* (просачиваться

вниз/экономическая политика) и *dripped on* (капает на нас/нас обманывают) отражает критическое переосмысление официальной экономической доктрины через телесную метафорику.

Русская история, напротив, оставила след в виде эзопова языка. Согласно исследованию А.С. Архиповой и М.А. Мельниченко, «в условиях политических ограничений юмор становился формой скрытого сопротивления, где многозначность служила защитным механизмом. Автократия, крепостничество и советская система воспитали привычку прятать смысл за многозначностью: выражение о том, что *Теперь мы скучаем по тому времени, когда было плохо* (В. Черномырдин, «Черномырдинки», 1998), показывает культурный код, где даже негативное состояние прошлого воспринимается как лучшее в сравнении с настоящим.

Характерным для русской традиции является анекдот сталинского времени: *Сталин выступает с речью. Зал аплодирует. Сталин делает знак рукой – аплодисменты стихают. «Товарищи, я не закончил». Зал снова аплодирует. Сталин снова делает знак рукой: «Товарищи, я еще не начинал»* (Архипова А.С., Мельниченко М.А. Анекдоты о Сталине, 2010). Полисемия глаголов *закончил/начинал* в контексте политического выступления создает абсурдную ситуацию, где форма важнее содержания. Здесь полисемия становится не только художественным приемом, но и способом выживания, стратегией сохранения смысла при опасности прямого высказывания.

Особую роль играет религиозное наследие. Как подчеркивает В.Н. Телия, культурная коннотация слова формируется на основе осознания носителями данного языка «окультуренности» обозначаемого словом. Фраза *Бог терпел и нам велел, но у Него терпение лопнуло раньше* (современный православный фольклор)

показывает, как многозначность глагола *терпеть* (проявлять долготерпение/физически страдать) превращает религиозную добродетель в объект иронии. Дополнительным примером служит выражение *Смирение – великая добродетель, если бы не гордость от него* (афоризм иеромонаха Симеона Томачинского). Полисемия концепта смирения (христианская добродетель/самоунижение) создает парадоксальную ситуацию, где добродетель порождает грех.

В американской и британской культурах, где капитализм структурирует все сферы жизни, полисемия часто строится вокруг понятий денег, успеха и труда. Выражение *Time is money, but I'm broke on both* (Reader's Digest, 1980) показывает, как одно слово *broke* способно объединить идею материального краха (обанкротившийся) и физической поломки (сломанный), создавая парадоксальный комический эффект. В Британии классовые различия усиливают полисемию: игра слов *He has a working-class background, but now he's hardly working at all* (Punch Magazine, 1985) не просто смешна, она отражает социальное напряжение и историческую инерцию классовой стратификации. Еще одним примером служит выражение *Money talks, but all mine ever says is 'goodbye'* (The Sunday Times, 1990). Полисемия глагола *talks* (говорит/имеет влияние) и персонификация денег создают иронический комментарий к материальному положению среднего класса.

В России же опыт дефицита и плановой экономики породил совершенно иные формы многозначности: *При коммунизме все будет бесплатно. А что будет с деньгами? – Деньги останутся у тех, у кого они есть* (Архипова А.С. «Советский анекдот», 2013). Полисемия слова *бесплатно* (без оплаты/без ценности) создает парадоксальную логику социалистической экономики. В анекдоте

Восьмидесятые. Молодая парочка гуляет по парку. Ни мороженого, ни воды, ни цветов в продаже нет. Висит объявление: «Не сорить, не плевать. Штраф – 10 рублей». Парень – девушке: – Плюй, я угощаю (shutok.ru) *угощать* предполагает добровольную оплату блага (еды, развлечений) для другого лица. В условиях тотального дефицита («ни мороженого, ни цветов»), где легитимные способы проявления щедрости заблокированы, объектом «угощения» становится административное нарушение как единственная доступная услуга. В примере *Обычные химические реакции в российской экономике: деньги выделяются и растворяются* (nekdo.ru) игра слов базируется на межпредметной полисемии глаголов *выделяться* и *растворяться*. В экономическом дискурсе выделение средств – это строго регламентированный бюрократический акт. Однако использование этих глаголов в одном контексте мгновенно активизирует их химические значения (образование осадка, исчезновение вещества в среде). Метафора «экономика как химия» позволяет без прямого называния, эвфемистично описать процесс нецелевого расходования бюджета. Комический эффект полисемии заключается в точности совпадения физического закона и социальной реальности.

Структура языка играет самостоятельную роль в формировании комизма. Английский язык благодаря аналитическому строю позволяет строить каламбуры на основе синтаксической неоднозначности, например: *The peasants are revolting* (Chiario D. «The Language of Jokes: Analysing Verbal Play») как конструкция «подлежащее + связка *are* + форма на *-ing*» допускает два равноправных синтаксических разбора. В первом прочтении *revolting* функционирует как причастие в составе аналитической формы *Present Continuous* («крестьяне бунтуют»); во втором – как предикативное прилагательное

со значением «отвратительный» («крестьяне отвратительны»).

Во фразе *Police help dog bite victim* (Headlines, 1995) двусмысленность синтаксической структуры допускает интерпретацию как «полиция помогает жертве укуса собаки» и «полиция помогает собаке кусить жертву». В русском языке подобные эффекты достигаются за счет богатой морфологии. Игра слов *Безработный – это человек, который работает без работы* (Лев Новоженев, «Афоризмы», 2010) возможна именно благодаря префиксальной структуре слова, допускающей множественность смыслов. Полисемия префикса *без-* создает парадоксальную логику трудовой деятельности.

В русской культуре заметно переосмысление повседневных маркеров достатка: *Толстый кошелек сейчас как раз не у тех, у кого много денег, а у кого мало. Потому что он набит не деньгами, а скидочными картами...* (anekdot.ru, 2025). Комизм строится на двуплановости словосочетания *толстый кошелек*, которое сначала отсылает к представлению о богатстве, а затем переосмысливается буквально – как физически распухший от бесполезных дисконтных карт предмет.

В англоязычном сетевом юморе продуктивны и шутки, основанные на двусмысленности устойчивых словосочетаний: *What do you call a romance between two psych ward patients? A committed relationship* (Reddit, r/Jokes, 2024). Здесь прилагательное *committed* одновременно актуализирует значение «серьезный, устойчивый» и психиатрическое значение «помещенный в учреждение», вследствие чего стандартная формула романтической оценки получает неожиданно институциональное прочтение.

Современные медийные технологии создали совершенно новые условия для функционирования юмора. Шутка *I'm not addicted to social media, I'm just very committed*

to my online relationships (Reddit, 2015) строится на полисемии слова *committed*, которое одновременно обозначает «преданный делу» и «помещенный в клинику». В русской интернет-среде аналогичные процессы проявляются в иронии: *Интернет – это место, где все эксперты, но никто ничего не знает* (Интернет-форум, 2010), где слово *эксперты* одновременно указывает на специалистов и самозванцев.

В российском лингвокультурном пространстве ирония над образованием смещается с институциональных аспектов на онтологический статус знания. В анекдоте *Чем образованней человек, тем умнее его тараканы* (nekdo.ru) комический эффект вызывается за счет полисемической актуализации метафоры «тараканы в голове». Если в базовом понимании образованность – это упорядоченность знаний, то в данном анекдоте она экстраполируется на иррациональную сферу личности. Анекдот *В темном переулке гопники напали на Анатолия Вассермана и неожиданно для себя получили среднее техническое образование* (nekdo.ru) строится на деривационной полисемии процесса «получения образования». Глагол *получить* реализует два сценария: институциональный (усвоение знаний) и физико-травматический (получение ударов/повреждений). Вопрос *А что если все эти кандидаты наук перестанут защищаться и начнут атаковать?!* (anekdotovstreet.com) комизм порождается за счет буквализации термина: если ученый годами «защищается», то логическим продолжением его деятельности в рамках бинарной оппозиции должна стать «атака».

В совокупности все эти факторы образуют своеобразную систему, в которой исторические обстоятельства формируют долгосрочные модели интерпретации, социально-экономические условия задают конкретные контексты, религиозные